

“Прости мне мою откровенность...”

Семен Гейченко в 240 письмах другу

Кудьбура. 2003. -
16 - 22 янв. - с. 6

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Семена Степановича Гейченко, многолетнего директора Пушкинского музея-заповедника. В прошлом году в Пскове вышла книга “А у нас, в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову” тиражом 3000 экземпляров. Это эпистолярное наследие раскрывает личность одного из самых удивительных наших современников с совершенно неожиданной стороны

Уж как широко прославляем был этот единственный среди музейщиков Герой Социалистического Труда. Казалось, что Семен Степанович Гейченко, директор Пушкинского музея-заповедника в Михайловском, известен едва ли не каждому в стране.

В 1945 году Семен Гейченко, одиозный инвалид только что завершившейся войны, принял усадьбу Михайловское в полной разрухе. И невероятным упорством своим сотворил не просто музей – день ко дню, год за годом, бревно к бревну, экспонат за экспонатом... Уверен: каждый посетитель, а их прошли здесь миллионы, покидал Пушкиногорье с ощущением – по себе знаю, – что лишь по некоей случайности не застал здесь Александра Сергеевича. Еще свеча в теплом воске... Все здесь им дышит! Все достоверно, чтобы верить, как просто и красиво жил наш Пушкин в этих тихих, но значительных для него местах.

Помню в первый раз приехал к нему для переговоров по издательским делам. Гейченко появился не в назначенное время, а с опозданием и оправдывался так:

– Ах, ох, виноват. Извиняйте же великодушно нас, деревенщину! Тут одного лорда английского с супругой и сопровождением из обкома сопровождал. Так заговорился. И вот бегом, бегом к вам...

Гляжу, одет-то никак не для заморского гостя. Жилетка долгих лет носки и не на каждую пуговку застегнутая, пестренькая рубашка без галстука, а еще рукава на ампутированной руке никак не прилажен, развевается при ходьбе. Запыхался и к тому же всклокочен своей сединами.

Закрыт он был даже в своих знаменитых книгах “У лукоморья” и “Пушкиногорье”. Не сразу разглядеть душу – скромность! Особенно это понимается по тому, как он отбирал для этих книг фотографии. Их десятки и десятки, а его персона в считанных и всегда без подписи, что это он на снимке. И не при параде, а чаще всего как раз в той самой жилетке.

...Он и сам знал, что на самом деле его мало кто знал. В этой самой книге, о которой берусь рассказать, прочитал: “Хочешь верь – хочешь не верь, что я временами сижу в одиночестве и горько плачу. Плачу за то, что за свою жизнь пережил много обид. Кружился вокруг разных графов, герцогов, баронов, императоров, обкомов, знаменитостей разных сословий и пр. А они смотрели на меня презрительным взглядом, ибо для них я был пес-барбос, скотина безрогая, воночая портянка и рваный лапоты!” Конечно же, пре-

увеличение, но, видимо, все-таки не без оснований.

Еще характерное признание, пусть опять же сгоряча вырвавшееся, – но ведь вырвалось: “Вечтомова все пытается меня про мою биографию. И мне от этого плохо... Такая она, эта самая биография, совсем непечатная”

Книга писем к другу – “А у нас в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского заповедника в письмах” – здесь Семен Гейченко совсем иной. Наконец-то сам о себе без утайки. Друга можно не бояться. Другу можно исповедоваться.

В 1973-м включил он в одно из своих писем такие строки: “Мне хочется чисто, полезно, в трудах и в горении жить...”

Как же получалось?

2 октября 1958 года – первое письмо Василию Михайловичу Звонцову. Уже в нем – наикратком – разнообразие мышления, желаний и намерений. И личных, и по связи с тем, кому отдал всю жизнь: Пушкин. Письмо тонко выписано – в нем даже аромат пушкинских времен:

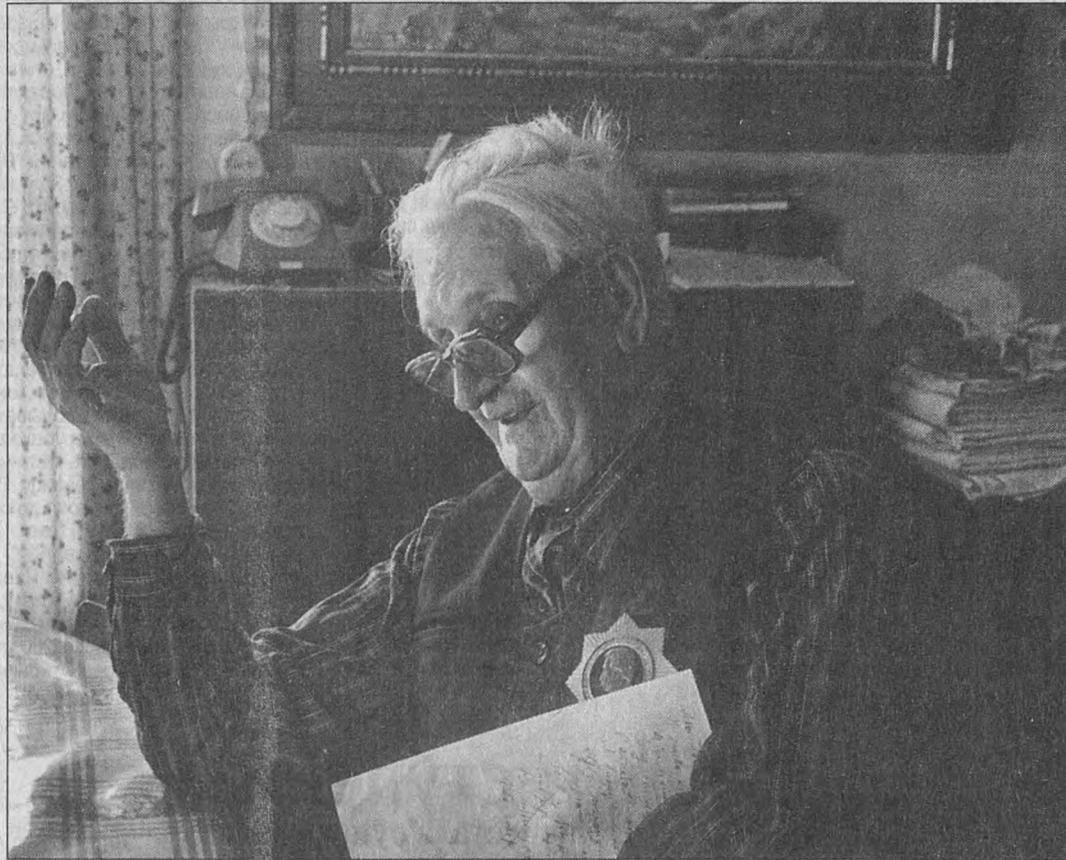
“Дорогой Василий Михайлович! Обращаюсь к Вам с просьбой, если будете ехать в Михайловское, то привезите мне немножко кофию, настоящего, молотого, граммов триста. Лучше всего сей фрукт покупать у Елисеева или на Михайловской.”

У нас в Михайловском новости следующие: 1. Самостоятельно кладут фундамент дома Осиповых. 2. Торопимся поскорее свершить новую баню. 3. Раскопали фундамент грота в Петровском. Нашли остатки фундаментов, стен и потолка. Оказываются, здание было не совсем такое, каким оно кажется на фото. 4. В Косохнове волк забрался в колхозную овчарню и задрал 24 овцы.

Привет и лучшие пожелания. С.Г.”
14 января 1991 года – весточка из последних. Прошло более 40 лет от начала переписки, автору уже 88 лет, а все открыт – нараспашку – для тонких чувствования. Сейчас они перенасыщены мрачными ощущениями. И все-таки остается кое-что и от все той же – гейченковской – лукавинки и с восхитительной интонацией неуважающее отношение к искусству:

“Дорогой Вася! Ты себе и представить не можешь, какая тоска душит меня. Живу в настоящем могильном одиночестве. Совсем глухой. Хожу еле-еле – душой в теле. Все для меня трудно: и писать, и читать, и лежать, и вставать, и носить, и переносить, и смотреть туда, не знаю куда. За окошком все невесело...”

Но и, как уже предупредил, такое: “Письма ко мне приходят задористые, словно я депутат какой”

С.Гейченко. Михайловское. 1989 г.

Напоследок: “Особое спасибо за офорты, которые я дарю тем, кого считаю для себя дорогими. Ведь твои офорты для меня как музыка Чайковского!”

Заботы начальника

Листаю книгу, чтобы обнаружить – каким он был директором-начальником-управителем самого знаменитого и почитаемого в стране музея-заповедника. Сколько же забот! И как разнообразны...

“Начали строить дом Осиповых в Тригорском. Получил письмо из ЦК, что в 1959 году нам будет отпущено 250 тыс. рублей на памятник Пушкину...”

“Закатить (бы) целую постановку. Набрать девок, одеть их, посадить за веретена, зажечь каганцы и т.д.”

“Бревен нет...”

“Нашу работу собирались слушать на бюро. Проверяли, внятли в трепет. Потом отложили”

“Несмотря на неприятности, работы идут полным ходом. Стены и потолки комнат уже покрыли драпью под штукатурку. Все двери уже будут делать декоративные (макеты), только в двух крайних комнатах будут настоящие для отопления...”

“Полным ходом ведутся раскопки пушкинского погребца около домика няни, где, по свидетельству Парфенова, “Пушкин с утра жарил из пистолетов эдак раз по сто в день”

“Ель-шатер в Тригорском заболела, вчера весь день лазили вверх-вниз по стволу и очень расстроились...”

“Проверял я остатки фундамента дома Калашниковых. И вдруг... Под крайним восточным камнем неожиданно открылась яма. Это оказался погреб. На дне его лежал полуметровый дубовый сундук, осторожно открыв его, я нашел в нем интересные вещи бытового характера: графин, рюмки, тарелки, дорожную чернильницу, кусок кожи от предмета неизвестного назначения. На дне сундука лежала книга под 1726 годом “Юности честное зерцало”. В книгу были вложены несколько писем Калашниковых к Пушкину”

“Получено извещение из мастерских Лен. отд. Худ. Фонда о том, что 1 ноября будет готов наш заказ на изготовление копии дорожной лампы Пушкина, с которой он хотел сбежать из Михайловского в 1824 году...”

“Гости валят отовсюду...”

Разумеется, жизнь Гейченко не только будни. Особые страницы в письмах – отзывы ежегодных Всесоюзных Пушкинских праздников.

1968 год. “Ты спрашиваешь меня, чем славен же был наш Пушкинский праздник поэзии? Во-первых, многолюдьем. 25 тысяч мужиков, баб и интеллигентов сидели 6 часов на солнцепеке и затаив дыхание слушали упреждения поэтов и писателей. Никто народ не заставлял сидеть и слушать. Но я не заметил ни одного человека, который, хлопав ушами, быстренько бы удался от трибуны. Слушали как завороченные. Во-вторых, книжный базар. На нем было невпроворот

молодых и старых. Куплено за 5 часов 30.000 книг. Оно, конечно, многие покупали для того, чтобы взять автограф или проставить штамп “Михайловское. 2-й Всесоюзный Пушкинский Праздник поэзии”. В-третьих, очень хорошо прошло песнопение в Соброре... Никто не упился. Драк не было... Было много гостинцев. Апельсинов столько было, сколько картошки высеяли в нашем районе. А конфет, пряников, бубликов и мааорорженнова – поели вагонов с десять, не меньше”

1982 год. “Вот и 158-я Пушкинская михайловская годовщина пришла! Докладчиков приехала целая свара. Вчера весь вечер гундосили кто во что горазд. Ужасно! Страшно вспоминать. Все забывают, что Пушкин вечно живой поэт, а не мраморная статуя, не чуело гороховое, не декабрист-мотоциклист... Вчера в моем доме зарегистрировано 9 человек поюща, пьюща, вопиюща и плаголюща. Устал я от этого безмерно... Одна радость – прекрасный концерт, который устроили нам консерваторцы”

...Вот как запечатлелись ему празднички-ватажнички.

О разных радостях

Впечатлительно, открыл я для себя, сердце старого уже человека. Но ведь оно к тому же во времени многих без никакой романтики заботило, более того, заминировано памятью о войне с инвалидством на всю жизнь. Однако вопреки всему бесперебойно пульсировало в тактичных радостях-событиях, которые Гейченко сам себе находил.

...“Люблю я без всякого толку ходить по осеннему саду. Люблю рассматривать деревья, сучки, искать яблоки, когда они все, все сняты и их нет и быть не может. Только ведь почему-то всегда найдешь одно последнее яблочко. Видно, сама яблоня его прячет. Иной раз на дереве и листьев-то уже нет, и вдруг под последним листком – последнее яблочко! Чудно это бывает...”

“Принимай последние известия. 1. Грибов много. 2. Выставку студентов открою в августе. 3. Дом в Тригорском растет лихо. 4. Приехала ко мне одна московская музыкантша. Привезла с собой арфу. По вечерам наяривает разных классиков. Любо слушать. 5. Завтра приезжает к нам Эрмитаж. 6. Картошка наконец поспела в изобилии. Трескаем в три пуза. Огурцы на рубль 10 штук. Появилась вишня и пр. пр. С тем и до свидания”

“Здесьнее птичье царство все в сборе. Кругом шум, свист, писк, треск. Озеро распухло. Я чуточку загорел...”

“Как-то прогуливаясь по разным закоулкам, нашел я давно упавший на землю скворечник. Решил снести его к дровам. Вдруг отделился пых-пых скворец...”

“Наша кобыла голубка уже на сносях. В середине марта ждем разрешения от бремени...”

“Удалось мне почерпнуть кое-что новенькое...”

Казалось бы, уж стар для поездок-путешествий, да и так прихотился в Михайловском, что отлучаться не хотел. Но блюл свою профессиональную обязанность – не замыкаться.

...“Ездил в Солнечногорский район в гости к А.А.Блоку, где было его имение в Шахматово. Там судили и рядили, что можно сделать для того, чтобы хоть какие-то следы поэта сохранить. Все там разбито и уничтожено с каким-то особенным озлоблением”

“Пришлось срочно путешествовать в Москву на совещание по массовой работе в музеях...” Приписал – ехидненько, колочче: “Много было шелкоперства, вругелевщины и трепотни. Некоторые директора пороли такое, что я подумал, на то ли совещание я попал”

“Еду в Москву на чествование Государственного литературного музея в связи с награждением его орденом Дружбы народов. А 25 сентября я поеду в музей-заповедник А.Н.Островского в Щельково, где будет музейная конференция на тему “Научная подготовка музейной экспозиции”

Случилось даже такое: “Министерство предложило мне возглавить заповедник в Суздале, куда Совмин “подбросил” 60 млн. рублей на благоустройство и разную красивую музеефикацию. Но как ни лестно мне было слышать сие приглашение, я отказался...”

Тоска, туман и пустые хлопоты

Кто бы мог подумать, что прославленный деятель культуры живет как и большинство других в стране. Но об этом – надо заметить: лишь иногда – в письмах.

...“Никуда я не поеду. У меня и денег нет – новый костюм сделал меня нищим. Опять надо копить, откладывать рубли и двугривенные”

“Вчера инвалидам и ветеранам в магазине выдали по 4 пачки индийского чаю. Во благодать-то! Получил и я!”

“После работы все сотрудники на огородах. Рокоты в земле как кроты. Картошку сажают. Скоро будем сажать и мы. Моя Джалаловна (супруга. – В.О.) самосильно трудится на нашем индивидуальном участке...”

“Сдал на 8 рублей пустых бутылок из-под гостей...”

“Наши походы в колхоз закончились. Проработали 225 человеко-дней. Два вечера сторожил за Собротью браконьеров. Кричал, матерился, страшал громом и тюрью...”

“На душе и сердце моем тоска, туман и пустые хлопоты...”

“Неужели это конец стучится”

Грустно – и не скрою: страшно – читать письма с 1981 года. Стали проявляться едва ли не в каждом письме предчувствия ухода.

...“Когда я был маленьким и стал учиться читать, мне купили букварь, на последней странице которого был напечатан маленький рассказ. Рассказ этот я запомнил до сего дня. Вот он.

“Въ тесной крѣпкой тюрѣмъ большого венгерского города сидел бѣдный заключенный. Онъ былъ въ полномъ одиночествѣ и совсѣмъ стал падать духомъ. Однажды къ окошку его тѣмницы прилетѣла птичка Божия и запѣла. И тут онъ почувствовалъ, что есть на свѣте не только зло и темницы, но есть и добро, и с техъ поръ въ душу его пришел покой и миръ”

И вот теперь я сижу в одиночестве и все думаю, думаю о птичке...”

“На душе моей смутенье, кряхтенье и похабное песнопенье...”

“Вокруг разные бестии и протобестии. Нужен я им как чуело! И никто-никто не даст мне доброго слова и совета, да кто и поможет-то? Вот я и вою, как старый волк. Вот и плачу без слов и думаю, думаю, неужели это конец стучится...”

“У меня все в порядке – одна беда: старик я, плохо сплю. Мысли мрачные”

“Я не люблю это время года, последние дни ноября и до конца декабря – самая тошная, смертная пора. Одна темень повсюду – и в небе, и на земле, и на душе...”

“Живу в полном одиночестве, хотя вокруг меня крутятся и вертятся много людей и людшек. С каждым днем от меня уходит здоровье из всех органов тела и я становлюсь чуелом гороховым. Одним словом, все идет к последнему аминю...”

“Советую тебе убежать в поле, лес, сад, деревню... Не будь я целиком в природе, я давно был бы уже там, куда люди уходят по окончании земной юдоли...”

“Живу в своей избушке вновь как бедный мужичок пушкинского времени, вошедшего в свою старость...”

Напомню о письме января 1991-го: “Тоска душит меня. Живу в настоящем могильном одиночестве...”

Из заключительного в книге письма апреля 1992 года: “Милый Вася, не забудь... Мне многое надо тебе сказать. Я все-таки надеюсь на твой приезд. Это будет началом большой беседы обо всем...”

Однажды вдруг – пусть и с предисловной лукавинкой – выписал себе эпитафию:

“Эпитафия на камне мерещится мне эдакая: “Хранителя Пушкинских мест заповедных Симеона Гейченко прах здесь лежит. Прохожий, это тебе он старался открыть без корысти путь к Лукоморью Поэта. Помяни добрым словом его”

Видать, при своей скромности осознавал библейское: “Комуждо по заслугам его воздастся”

Его благородному естеству – “Васюсе”

Поклон Гейченко за то, что создавал 40 лет такую книгу Откровений! Поклон тому, кто 240 раз был далек от обычного: прочитал и выбросил.

Кто же этот он, Василий Михайлович Звонцов, коему было оказано такое доверие от замечательного современника? Уж как только Гейченко не величал его – всегда, впрочем, уважительно: “Дорогой Василий!” и даже так – “Его благородному естеству!”, “Васюсе!”, “Отче Василий!”, “Свет души моей!”, “И еще, еще, еще в таком душевном расположении, что каждое будто почетная грамота за дружбу и верность”

В.М.Звонцов родился в особый год: 1917-й. Он-то и предопределил биографию: фронтовик с погонами от лейтенанта до подполковника, при ранениях и орденах, выпускник Института им. Репина, партработник, преподаватель в своем же институте, главный редактор известного в советские времена издательства “Аврора” (оно выпускало лучшие в стране альбомы по искусству) и, наконец, просто бесчинный художник, но в звании “Народный художник РСФСР”. Любил офорты. Это они – михайловские пейзажи – изукрасили едва не каждое письмо, став иллюстрациями.

Коли вызвал на себя столько необычных по откровенности писем, так, надо думать, и сам был таким же: приемистым на откровенность и ответные дружеские расположения. Он познакомился с Гейченко, когда привез в Михайловское своих студентов. Выходит, не по праздному любопытству туриста начиналась дружба.

И друга он пережил ненадолго...

Валентин ОСИПОВ
Фото ИТАР-ТАСС